
ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.323:1

**ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФОРМАЦИИ:
СУЩНОСТЬ, СТРУКТУРА, ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ*****В.В. Корякин***

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: vvkorkfnpsu@yandex.ru

На основе конкретно-всеобщего понимания человеческой сущности уточняется понятие формации и ее структура. Обсуждаются основные закономерности смены и соотношения формаций. Исследуется ряд социально-философских категорий: формационного центра, формационной периферии, общественно-экономического уклада, формационного перехода.

Ключевые слова: формация; закономерность исторического процесса; сущность человека; труд; базис; надстройка.

Люди как социальные материальные существа, производящие собственную сущность во всем многообразии ее проявлений посредством преобразования природы, являются субстанцией исторического процесса. История — это процесс саморазвития и взаимного развития людей. Концентрированным образом человеческая сущность производится в труде. Все многообразие изменений общественной жизни и отношений, в которые в ходе этих изменений вступают люди, является сторонами трудового процесса. Стороны эти относительно самостоятельны. Они могут реализовываться как в процессе самого труда, так и наряду с ним, они могут оказывать обратное действие на труд как таковой, но вместе с тем как выражение труда всегда зависят от него. Конкретно-всеобщее понимание труда как процесса производства

социальной, материальной, родовой и индивидуальной человеческой сущности, реализующейся в системе сущностных свойств человека [1], позволяет подойти к построению соответствующей по уровню теоретической сложности конкретно-всеобщей теории исторического процесса.

Целостная конкретно-всеобщая теория исторического процесса, описывающая и объясняющая как общее, так и в сжатом обобщенном виде все многообразие особенного в общественном развитии, на сегодняшний день отсутствует. Однако справедливости ради стоит отметить, что существенные ее фрагменты, в разной мере схватывающие сущность общественных изменений, все же имеются в мировой и отечественной науке. Фундамент этой теории был заложен еще К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Впервые в общих чертах материалистическое видение исторического процесса, его направленности, объективного, закономерного и поступательного характера было обозначено К. Марксом и Ф. Энгельсом еще в «Немецкой идеологии». Родоначальники современного материализма исходили из положения, что история — это процесс жизнедеятельности действительных человеческих индивидов. Люди, преобразуя природу, развиваются сами. Они выступают в качестве важнейшей производительной силы общества. Сам процесс производства собственной жизни посредством преобразования природы выражается в трудовой деятельности людей. Производительные силы общества развиваются. Появление новой производительной силы (в первую очередь новых трудовых навыков) влечет за собой усложнение разделения труда, а с усложнением и разделением труда меняются отношения собственности (производственные отношения). С усложнением труда и собственности меняются социальная и политическая организация общества, осознание человеком собственной жизни [2].

В «Немецкой идеологии» была выражена суть материалистического понимания общества и исторического процесса, которая в последующих работах К. Маркса и Ф. Энгельса с разных сторон и в разных аспектах прояснялась и конкретизировалась. К примеру, в работе «Наемный труд и капитал» К. Маркс дал анализ общественного развития сквозь призму эволюции производственных отношений [3. С.442], в «Нищете философии» он особое внимание уделил эволюции орудий труда как неотъемлемой составляющей производительных сил, которые вкуче с трудом, порождением которого эти орудия являются, в существенной мере определяют характер производственных, социальных,

политических и духовных отношений [4. С.133].

К сожалению, многие последователи К. Маркса, обращаясь к анализу общественного развития, ссылались не столько на «Немецкую идеологию» или «Капитал», существенно конкретизировавший ее положения, сколько на промежуточные работы, в которых давалось самое беглое или фрагментарное изложение материалистического понимания истории. Следствием такого обращения к Марксовому наследию нередко становится упрощенное толкование сути исторического материализма и весьма одностороннее, а порою и ошибочное его применение в процессе исторических исследований. К примеру, типичным для подавляющего большинства советских историков было стремление анализировать общественный процесс сквозь призму производственных отношений (т.н. базиса), реже — производственных отношений и средств производства без учета эволюции труда, который данные средства и отношения порождает. Весьма распространенным среди отечественных социальных философов-марксистов стало сведение общественной жизни людей к совокупности общественных (базисных и надстроечных) отношений.

Примечательно, что уже в «Немецкой идеологии» родоначальники исторического материализма при анализе общества и истории исходили в первую очередь из состояния материальной жизни индивидов и способа, каким эту жизнь индивиды производят, т.е. труда. Это же понимание истории было продемонстрировано К. Марксом и в предисловии «К критике политической экономии» — наиболее цитируемой материалистами-историками, философами истории и социальными философами работе. «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их

воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями... внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции» [5. С.6-7]. «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации... Буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества» [Там же. С.7].

Понятия способа производства и формации являются центральными при анализе периодизации общественного развития в историческом материализме. Понятие способа производства было введено Марксом и Энгельсом еще в «Немецкой идеологии», понятие формации — Марксом в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Оба понятия существенно конкретизируют центральные понятия научной социальной философии — общественного бытия и общественного сознания, позволяя кон-

кретно-всеобщим образом подходить к рассмотрению человека, общества и истории. Понятия способа производства и формации, если их не трактовать упрощенно и односторонне, являются конкретно-всеобщими понятиями, схватывающими в социальной действительности и ее развитии как общее, так и в сжатом, обобщенном виде все многообразие особенного. Они являются тем самым «синтезом многочисленных определений», к которому должно прийти всякое исследование социальной действительности при логическом восхождении от конкретного к абстрактному и далее от абстрактного к конкретному. Имея в начале рассуждения общественное бытие и общественное сознание, используя данную логическую процедуру, мы приходим к способу производства общественной жизни в целом, материальной и духовной жизни в частности, а затем к формации — единству базиса и надстройки.

Общественное бытие — это материальная жизнь индивидов, это сами люди как социальные материальные интегральные существа, производящие свою универсальную, родовую и индивидуальную сущность посредством преобразования природы. При конкретном рассмотрении общественное бытие выступает в виде иерархии своих форм. Оно включает в себя, в частности, семейное и этническое материальное бытие индивидов. Поскольку материальная жизнь индивидов имеет природное и техническое выражение, общественное бытие включает в себя все многообразие уровней материальной организации людей (собственно социальный, биологический, химический, физический и т.д.), а также так называемые средства производства (предметы и средства труда), преобразованную человеком природу. Общественное бытие как единство людей и средств производ-

ства фиксируется в материализме понятием производительные силы общества.

Единство людей как особого рода материальных существ внешне выражается в отношениях, которые складываются между ними, а также между ними и природой в процессе производства собственной жизни. Данные отношения поэтому носят характер материальных производственных отношений. Общественное бытие с учетом того, что оно есть бытие людей и преобразуемой ими природы (средств производства), а также материальных отношений выступает в качестве единства производительных сил и производственных отношений.

Сущность людей, общественного бытия в целом имеет производящий характер, она производится, в процессе производства раскрывается и только в нем может быть схвачена. Общественное развитие есть общественное производство в широком смысле, развитие общественного бытия есть общественное материальное производство в широком смысле. Материальное производство в широком смысле включает материальное производство как таковое, или труд, семейное и этническое производство. При этом труд является сущностью и концентрированным выражением материального производства вообще. Поскольку развитие есть движение от простого к сложному, общественное бытие реализуется в многообразии последовательно сменяющих друг друга исторических форм или этапов. Каждой исторической форме общественного бытия присущ свой определенный способ производства людьми собственной жизни. Понятие способа производства фиксирует особенности развития общественного бытия (производительных сил и производственных отношений) на определенном этапе его становления и одновременно то общее, что присуще эволюции общества на любом его эта-

пе. В определенном смысле способ производства — это единство производительных сил и производственных отношений, взятых в аспекте их исторической определенности и развития. Это определенная историческая форма, этап развития производительных сил и производственных отношений.

При этом важно учитывать, что люди, производящие свою жизнь в труде, одновременно являются субъектами и других качественно определенных форм материального производства — семейного и этнического [6]. Производительные силы общества, таким образом, можно трактовать в узком и широком смысле. В узком смысле производительные силы — это осуществляющие трудовую деятельность индивиды, в широком смысле они есть люди, занятые не только трудовой деятельностью, но и деятельностью, производящей их собственную семейную и этническую жизнь. Производство осуществляется индивидами посредством средств производства, которые сообразно самим производительным силам также можно трактовать в узком и широком смысле. В узком смысле средства производства есть предметы и средства труда, в широком смысле они есть также особым образом преобразованные и используемые природные объекты, выступающие в качестве средства производства семейной и этнической жизни.

Производственные отношения также могут быть поняты в двух смыслах. В широком смысле они есть трудовые отношения — отношения производства, потребления, распределения и обмена, управления как единства отношений распределения и обмена, а в принципиальном виде — это отношения собственности, стоимости, власти. В широком смысле они есть также семейные и этнические материальные отношения. Способ производства материальной жизни

как единство производительных сил и производственных отношений, таким образом, также может быть различным образом интерпретирован.

Общественное бытие реализуется также в своей акциденции — общественном сознании. Общественное сознание есть отражение общественного бытия. Общественное сознание развивается сообразно общественному бытию и как таковое имеет отраженный производящий характер. Духовное производство отражает материальное производство, хотя в силу своей определенности как идеальное в точности с ним не совпадает, обладает относительной самостоятельностью и оказывает обратное воздействие на него. Духовное производство имеет общественный характер, реализуется в особой форме — духовных отношениях. Описывая общественное сознание как отраженное общественное бытие, правомерно говорить о духовных производительных силах общества, духовных производственных отношениях и способе духовного производства.

Духовные производительные силы общества — это люди, осознающие собственную жизнь, производящие идеальным образом свое бытие существа и средства, необходимые для данного производства. В качестве средств производства общественного сознания, или идеального общественного бытия, выступают различного рода преобразованные природные объекты: язык и средства реализации и развития языка (языковые средства), предметы искусства и средства, необходимые для их создания, насильственные действия и средства насилия, объекты религиозного культа и т.д. Как субъекты духовного производства люди вступают в особого рода отношения — духовные производственные отношения, которые в силу идеальной и субъективной природы сознания реа-

лизуются лишь посредством особого рода материальных средств (языка и невербальных знаковых систем). Отражая общественное бытие, общественное сознание развивается, имеет исторический характер. На каждом этапе общественного развития люди определенным образом производят свою духовную жизнь, создают исторически определенное мировоззрение. Единство духовных производительных сил и духовных производственных отношений, взятое в их исторической определенности, есть способ производства духовной жизни общества.

Производительные силы общества, или люди, осуществляющие материальную деятельность, и средства их материальной деятельности являются содержанием производственных отношений. Эти отношения (как в узком, так и в широком смысле) являются базисом общества. Другими словами, базис — это форма общественного бытия, если это бытие трактовать непосредственно как бытие людей — социальных материальных индивидов. Духовные производительные силы общества, или люди, осуществляющие духовную деятельность, являются содержанием духовных отношений. Эти духовные производственные отношения есть надстройка. Надстройка по сути есть форма общественного сознания.

В современной материалистической литературе (большей частью исторической, экономической, социологической и политической и меньшей частью социально-философской) уже давно утвердилось упрощенное толкование общественной формации. Она трактуется как единство базиса и надстройки, т.е., по сути, понимается как многообразие общественных (материальных и духовных) отношений. Такое понимание формации, безусловно, можно приписать К. Марксу, поскольку ему периодически (в

зависимости от цели и задач исследования) было присуще рассматривать исторический процесс как эволюцию общественных отношений. Но тот же К. Маркс продемонстрировал и более глубокое понимание истории как процесса развертывания социальной материальной (производящей) сущности человека, сущностных сил человека (в первую очередь труда). Даже в предисловии «К критике политической экономии», на которую так любят ссылаться все материалисты-философы и методологи истории, К.Маркс дал описание общественного развития как эволюции производительных сил и производственных отношений в их диалектическом единстве, обозначив при этом, что именно в производительных силах общества, в самих людях как производящих свое бытие существах стоит искать в конечном счете ключ ко всякому общественному изменению.

Сведение формации к совокупности общественных отношений, ставшее отчасти следствием приверженности многих советских исследователей к буквоедству и цитатничеству, породило немало трудностей в исследовании исторического процесса. Растворяя формацию в общественных отношениях, нетрудно было выпустить из поля зрения подлинную основу истории — живых человеческих индивидов, производящих собственную жизнь. К примеру, в советской исторической науке мы можем встретить колоссальное количество (безусловно, важных) исследований производственных и классовых, политических и духовных отношений, быта, средств производства, но не найдем ни одной монографии, которая специально рассматривала бы эволюцию человеческого труда. Даже для советской философской науки проблема труда и его эволюции — тема, хотя и заметная, но редко встречающаяся. Это редуцирование человеческой жизни к человеческим

отношениям существенно удаляло советских обществоведов от субстанциального описания и объяснения истории, что в итоге и породило теоретические трудности, как только в гуманитарных исследованиях обнаружилась проблема конкретно-всеобщего.

Общественная формация, безусловно, включает в себя базис и надстройку, но базис и надстройка — это всего лишь формы общественного бытия и общественного сознания соответственно. Удаление из формации ее содержания — производящих и мыслящих людей — глубоко чуждо диалектике, оно отбрасывает всякое исследование по его теоретическим основаниям на тысячелетия назад. Оно неизбежно рождает абстракции, которые сродни представлениям первых древнегреческих философов. Древние, к примеру, полагая в качестве основы мира некое первовещество, приходили к выводу об изменяющемся мире, который внутренне остается всегда неизменным. Понимание формации как совокупности общественных отношений, которые исторически изменчивы, имплицитно содержит в себе возможность толкования человеческой сущности как внутренне неизменной. Люди не меняются, меняются лишь отношения между людьми. Ничего подобного у К. Маркса в рассуждениях об обществе и истории, безусловно, не было, чем он и велик как исследователь.

Формацию, стало быть, если следовать духу исторического материализма, стоит трактовать как исторически определенный этап развития общества (людей в их отношениях друг к другу), исторически определенный этап развития общественного бытия и общественного сознания, которые являются содержанием базиса и надстройки соответственно. Во всяком случае только такое, максимально охватывающее все многообразие сторон и проявлений обществен-

ной жизни, понимание формации максимально приближает его к человеку как единственному реальному творцу истории. Формация — это люди, исторически определенным образом материально и духовно производящие собственную жизнь, это люди, достигшие определенного исторического этапа собственного развития. При такой антропологической интерпретации категория формации выступает в виде синтеза многочисленных определений общества, в виде конкретно-всеобщего понятия, являющегося итогом длительного логического восхождения от абстрактного к конкретному при анализе общественной жизни.

Формация как люди на определенном этапе их исторического развития является выражением определенного тождества универсальной, родовой и индивидуальной социальной материальной сущности людей, определенного исторического тождества конечного и бесконечного в общественной жизни людей. Такое понимание формации позволяет раскрыть исторический процесс как движение от простых формаций к сложным и выявить при анализе соотношения данных этапов целый ряд закономерностей общественного развития, ранее большей частью не замеченных наукой. Закономерности эти в сообразно сущности человека виде, по сути, повторяют закономерности мирового процесса, открытые конкретно-всеобщим материализмом, являются их модификацией. Они являются закономерностями движения к тождеству конечного и бесконечного в человеке, а конкретнее — закономерностями движения к тождеству универсального, родового и индивидуального в людях.

Базовой закономерностью, которая, по мнению Т.С. Васильевой, представляет собой по сути всеобщий исторический закон, является последовательное движение общества (челове-

чества в целом) от простых формаций к сложным [7]. Число формаций бесконечно, поскольку бесконечна сама история, сама жизнь человечества, которая создается людьми посредством преобразования бесконечного материального мира. История в принципе не может завершиться, завершаются лишь ее определенные этапы, да и те не бесследно. Впрочем, современное человечество прожило лишь часть этапов своего развития. И эти этапы требуют своего конкретно-исторического определения.

К. Маркс, как известно, предлагал в разных работах две периодизации истории. Одна из них, более общая, ставшая, по сути, данью гегельянству и его абстрактно-всеобщей диалектике, заключала движение истории в три этапа. К. Маркс, не мудрствуя лукаво, попросту определял эти формации как первичную, вторичную и третичную, или как первобытное коммунистическое общество, антагонистическое общество и подлинный коммунизм. Наметки данной периодизации были изложены автором еще в «Философско-экономических рукописях 1844 г.» в процессе анализа движения труда от его первоначальной внутренне нерасчлененной формы к отчужденному труду и затем снятию этого отчуждения. Впоследствии эта периодизация истории в более выверенном виде использовалась К. Марксом во многих работах, проследить ее можно и в «Капитале».

Другая, более дробная периодизация, вчерне была изложена впервые в «Немецкой идеологии» и повторена Марксом и Энгельсом во многих последующих работах, представлена она была и в предисловии «К критике политической экономии». Она, по сути, выстраивалась на основе качественно новой формы диалектики — конкретно-всеобщей и для построения целостной конкретно-всеобщей материалистической теории общества имеет принципиальное

значение. К. Маркс, в частности, предлагал выделять пять-шесть формаций в истории. Пятичленное деление общественного развития включало в себя первобытную, рабовладельческую (античную), феодальную, капиталистическую и коммунистическую формации. Шестичленное деление предполагало выделение еще одной формации — «азиатской», которую Маркс помещал между первобытностью и рабовладением. В некоторых работах немецкий классик рассматривал первобытность и общество с «азиатским» способом производства как один и тот же этап общественного развития. Подобные нестыковки в периодизации и терминологические расхождения неоднократно порождали споры среди историков-марксистов как в зарубежной, так и в отечественной науке, однако сути материалистического представления об истории как последовательном бесконечном восхождении от простых формаций к сложным эти нестыковки в принципе не меняют.

История согласно основоположникам научного материализма — бесконечный процесс. В данной связи лишней раз придется возразить оппонентам Маркса, обвиняющим до сих пор сторонников формационной теории в финализме, поскольку с позиций исторического материализма общественное развитие якобы завершается коммунизмом. В очередной раз придется привести вывод Маркса о том, что капитализмом завершается лишь предыстория человечества, а коммунистическая формация открывает начало подлинной истории свободных творческих индивидов [5. С.8]. Дальнейшее развитие, по мысли Маркса, должно происходить в рамках коммунистического общества, другими словами, должно представлять собой последовательную закономерную смену бесконечного ряда коммунистических формаций.

Каждая формация — это определенный конкретно-исторический тип общества, тип единства универсальной, родовой и индивидуальной сущности человека, тождества индивидуального и общественного, конечного и бесконечного в человеке. Будучи исторически определенной, каждая формация конечна. Однако в ней как конечном образовании заложены потенции ее бесконечного развития, которые, реализуясь, порождают качественно более сложную формацию. На данный момент в истории можно выделить несколько последовательно сменяющихся друг друга этапов общественного развития, вычленение которых, впрочем, требует дополнительного обоснования. Поэтому пока что весьма предварительно представляется возможным выделить следующие формации: первобытно-общинную с «присваивающим» способом производства, первобытно-общинную с производящим способом производства (неолитическую), формацию с «азиатским» способом производства, рабовладельческую (античную), феодальную, капиталистическую и коммунистическую (если в качестве первого ее этапа рассматривать социализм, начало которому было положено в 1917 г.).

В истории отдельных народов, как показывает опыт современной исторической науки, можно наблюдать частый феномен перескакивания в развитии через целые формации. Адекватность подобного вывода исторической действительности, впрочем, еще следует досконально проверить и проанализировать. Вполне может статься, что он является следствием несовершенства методологии абстрактно-всеобщей материалистической теории и ее неклассического ответвления. Однако бесспорным является тот факт, что во всемирно-исторических масштабах все перечисленные

формации имели место быть, и сменяли они друг друга последовательно.

Движение общественного бытия и общественного сознания, человеческой сущности от простого к сложному выражается в движении от простых формаций к сложным. При этом простые формации никуда не исчезают. Они сохраняются в качестве уклада в сложной формации, т.е. во включенном в нее состоянии, и в качестве так называемой формационной периферии, т.е. наряду с нею, в не включенном в нее виде. При этом ни уклад, ни формационная периферия не являются в точности воспроизводством старой формации. Обладая архаической формационной определенностью, они трансформируются сообразно господствующему сложному типу общественного устройства.

Понятие общественно-экономический уклад впервые было введено в гуманитарной науке В.И. Лениным при анализе общественного развития России начала XX в. Наряду с исчезающими старыми феодальными и капиталистическими формами хозяйства он выделял нарождающиеся новые формы социалистического производства. Всего в развитии России первых лет советской власти В.И. Ленин выделил пять таких укладов [8. С.174-181]. Впоследствии проблема многоукладности общественного развития привлекала внимание многих отечественных ученых-историков. Уклады, впрочем, рассматривались отечественными исследователями исключительно с абстрактно-всеобщих материалистических позиций. В советской литературе четко прослеживается абстрактное представление об истории как о последовательной смене формаций. В данной связи архаические уклады воспринимались как временные общественные образования, которые разрушаются под действием нарождающейся формации и при утверждении новых производи-

тельных сил и производственных отношений должны бесследно исчезать. Вместе с тем в советской исторической литературе можно обнаружить мнение, отличное от устоявшегося. Б.Ф. Поршнев еще в 1975 г. высказал замечание, что в развитии периферии капитализма в так называемых развивающихся странах многоукладность присутствует как непреходящее явление [9. С.38-39].

Многоукладность — это продукт постоянного воспроизводства старых производительных сил и соответствующих им производственных отношений, которые реализуются также в исторически определенном типе мировоззрения и определенных социальных, политических и духовных отношениях. Учитывая диалектику производства и воспроизводства, стоит отметить, что воспроизводство старых форм общественной жизни всегда происходит в связи с производством, т.е. становлением и развитием качественно нового типа общественного устройства, сообразно ему. Уклад, по сути, это «включенное низшее» формации, качественно определенный уровень организации общества. Наличие укладов позволяет взглянуть на формацию как на интегрированное единство различных по уровню сложности типов общественного бытия и общественного сознания, типов тождества универсальной, родовой и индивидуальной сущности человека. Каждый человек может осуществлять деятельность разного уровня сложности как одновременно, так и попеременно. Уклады общественной жизни, таким образом, в рамках формации интегрированы как внутренним, так и внешним образом соответственно.

Многоукладность общественной жизни можно конкретизировать, учитывая то, что материальное производство многоаспектно. Оно реализуется как в собственно производстве

(труде), так и в этническом и семейном производстве. Человек не только осуществляет различную по уровню сложности трудовую деятельность, он на различных уровнях сложности производит также свою этническую и семейную жизнь как одновременно, так и попеременно. Этнос и семья, являясь относительно самостоятельными формами общественного бытия людей, также имеют интегральный характер. Какого бы уровня сложности не достигала, к примеру, семейная жизнь человека, в ней в обобщенном виде воспроизводятся архаические типы семьи со всеми присущими им внутрисемейными и межсемейными отношениями. Такой же вывод можно сделать и относительно этнического бытия человека.

Сообразно материальной жизни людей интегральную структуру приобретают общественное сознание и общественные (материальные и духовные, социальные и политические) отношения. Человеческое мировоззрение, к примеру, содержит в себе различные по уровню сложности картины действительности. Наряду со сложными формами логического и чувственного сознания, бессознательного в нем присутствуют и их архаические формы, которые люди приобретали начиная с первобытности. Миф, к примеру, хотя и давно утратившее свое приоритетное значение для человека явление, но все же современное. Он трансформировался в современном сознании сообразно более сложным формам интеллекта. В соответствии с уровнями сложности мышления реализуются и знаковые средства духовного общения. Современные языки, например, в превращенном виде содержат в себе всю историю языка.

Рассматривая человека в общепhilosophическом аспекте, как социальное материальное интегральное существо, в котором представлены в соподчиненном виде все уровни материальной

организации, можно констатировать, что каждая формация имеет определенные природные основания и связана с определенными средовыми природными условиями. Каждый общественный уклад, стало быть, также имеет определенные природные основания и существует в определенном природном окружении.

Идея о том, что каждая формация связана с определенной географической средой, влияющей на характер технологических способов производства, развитие общественного разделения труда, социально-экономический строй, была высказана еще родоначальниками исторического материализма [10. С.30; 11. С.552]. История человечества — это вершина и одновременно продолжение материальной эволюции в целом. В общественном развитии реализуется единство истории человечества и природы. Данная мысль получила свое развитие в советской науке. Например, А.М. Ковалев пришел к выводу, что между производительными силами, производственными отношениями, базисом и надстройкой, народонаселением, географической средой существует соответствие, они находятся в единстве, представляют собой единый, целостный социальный и природный комплекс [12. С.48]. По мнению многих авторов, всемирно-исторический процесс (как общее, так и особенное в нем) имеет свою географическую направленность [13. С.34; 14. С.54-55 и др.].

Однако формация как исторический тип общества существует не только в определенных природных географических условиях, она имеет и определенные природные основания. Социальный субстрат включает в себя помимо собственно социального биологического, химического, физического уровни организации. В отечественной науке особенно пристальному изучению был подвергнут характер изменений

человеческой биологии в процессе общественного развития [15]. В процессе дискуссий о соотношении социального и биологического в человеке В.В. Орлов пришел к выводу, что вовлеченная в исторический процесс общественной жизни биология человека принимает исторические формы, определяемые историческими ступенями развития общества [16], что позволило Н.Б. Оконской высказать и обосновать идею о наличии так называемых социально-биологических формаций [17. С.129-140].

На проблему развития природных оснований исторического процесса можно взглянуть шире, тем более что конкретно-всеобщая общеполитическая концепция человека как социального материального интегрального существа это позволяет сделать. В ходе общественного развития эволюционные изменения происходят не только в человеческой биологии, но и на химическом и физическом уровнях организации индивидов. Социальная химия и социальная физика, к сожалению, как науки существуют сегодня лишь в заявочной форме, поскольку крайне сложным является предмет их изучения. Многие выводы по данным областям знания носят гипотетический и большей частью отрывочный характер. Однако, исходя из общих теоретических посылок, можно предположить, что химия и физика человека развиваются в соответствии с его собственно социальной сущностью. В данной связи можно выделять не только социально-биологические формации, но и формации социально-химические и социально-физические. А если брать все уровни материальной организации человека вкуче, можно вполне говорить и о социально-природных формациях.

Общественный уклад также имеет определенную природную локацию и определенные природные основания. Если рассматривать

конкретнее, то можно предположить, что каждый человек, осуществляя тот или иной вид деятельности, вступает в отношения с определенными природными объектами и реализует определенные свои биологические, химические и физические силы. Причем как сами виды деятельности, так и природные условия и основания их реализации различны по уровню сложности. Человек, к примеру, может по-разному расходовать свою биологию, он может ее усложнять, приобретая новые трудовые навыки, а может возвращаться к простым видам собственной биологической активности, осуществляя примитивную трудовую деятельность.

Каждая формация как общество на определенном этапе развития, как определенное общество, имеет свои пространственно-временные границы существования. Пространственно формация связана не только с вполне конкретными природными условиями, но и с конкретными общественными условиями, группами людей. Формация имеет свою локацию в обществе, т.е. с человечеством в целом не совпадает. По мере исторического развития простые формации сохраняются не только в сложной формации в качестве ее укладов, но и наряду с нею, т.е. в не включенном в нее виде, в качестве своего рода формационной периферии.

Данный феномен давно зафиксирован в научной литературе и традиционно рассматривается в контексте проблемы неравномерности исторического процесса. Закон неравномерного развития обществ был впервые раскрыт В.И. Лениным при анализе современной ему системы капитализма [18. С.308], а впоследствии обнаружен советскими авторами и в предыдущих исторических эпохах [19]. Однако анализ данного закона в отечественной литературе осуществлялся главным образом с абст-

рактно-всеобщих позиций, в результате чего утвердилось мнение, что все народы проходят в своем развитии одни и те же этапы, особенности же исторического пути каждого народа сводятся лишь к формальным различиям — темпам его прохождения. Как следствие, неравномерность общественного развития стала трактоваться как явление преходящее: рано или поздно все общества должны прийти к одному и тому же типу общественной жизни.

Однако эмпирические данные показывают, что отставание целого ряда народов в своем развитии было характерно для всех исторических эпох. Многие общества вообще не знали некоторых этапов формационного развития. Отстающие народы в своем становлении обнаруживают как архаические формы общественной жизни, так и передовые, зачастую идентичные тем формам, которые присущи наиболее развитым народам. Данный факт свидетельствует, во-первых, о том, что в этапах исторической эволюции отдельные народы не тождественны друг другу, а во-вторых, что темпы их развития существенно синхронизированы. Какой бы специфической формой общественной организации отдельные народы не обладали, все они живут в одном и том же историческом времени. И как живущие в одном историческом времени, они не только отличны друг от друга, но и, стало быть, тождественны друг другу.

Проблема тождества и различия как в сути, так и в темпах развития отдельных обществ особенно явно проявилась в целом ряде дискуссий о формационной принадлежности тех или иных обществ. Наиболее результативными, как представляется, оказались споры об «азиатском» способе производства, о формационной принадлежности средневековых Италии, Греции, стран, расположенных восточнее Эльбы,

Древней Руси, о природе так называемого II издания крепостничества, о характере Ноябрьской революции в Германии и т.д. В ходе этих дискуссий был установлен двойственный характер развития отстающих народов, где наряду, например, с самыми передовыми экономическими формами сохранялся целый ряд архаических форм. Однако эта двойственность общественной жизни отстающих обществ оказалась понята с абстрактно-всеобщих позиций, вследствие чего неизбежным стало сведение природы данных обществ либо к передовым, либо к архаическим формациям, поскольку развитие понималось как смена общественных формаций, а не как их необходимое сохранение и дальнейшая взаимная эволюция.

Конкретно-всеобщий подход к истории позволяет снять подобного рода редуционистские трактовки. Невключенное низшее, среда высшего, или так называемая формационная периферия, сохраняет свою формационную определенность, но при этом продолжает развитие в рамках данной определенности сообразно с новой формацией. Простые формации, выступая в качестве формационной периферии, оказываются внешним образом интегрированы с передовыми обществами, необходимым образом сопричастны их развитию и в этом смысле принадлежащими новой формации.

Воздействие передовых обществ на отстающие стало предметом пристального изучения историков-марксистов во второй половине XX в. Накоплен существенный эмпирический материал по взаимодействию так называемых формационных, или всемирно-исторических, центров развития и их периферии [20]. Впрочем, характер этого взаимодействия подвергся анализу преимущественно также с абстрактно-всеобщих материалистических позиций. Полагая, что передовое общество должно своим

воздействием рано или поздно перестроить на свой лад отстающие общества и тем самым выровнять взаимодействующие общества в их развитии, историки упустили из виду, что отстающие общества также существенно влияют на передовые и полностью своей прежней формационной природы не утрачивают.

Отношение ведущей формации и ее укладов, т.е. внутренне интегрированных в нее старых формаций, отношение ведущей формации и ее периферии, т.е. внешне интегрированных с ней старых формаций, представляет собой диалектическое отношение высшего и низшего. Высшее зависит от низшего как своего основания и среды, но при этом обладает собственным содержанием, существует и развивается согласно собственной сущности и, более того, оказывает обратное определяющее воздействие на развитие низшего. Низшее (уклад, периферия) обладает лишь относительной самостоятельностью, вне единства с высшим (передовой формацией) оно ни существовать, ни развиваться далее в рамках собственной определенности не может.

Процесс смены основных формаций, отношение формации и ее укладов, периферии, демонстрирует одну из фундаментальных закономерностей исторического процесса — интеграции общественной жизни. Процесс интеграции выступает в двух планах — внутреннем и внешнем. Внутренняя интеграция реализуется в соподчинении укладов, в связи с чем можно говорить о формации как об интегральном образовании. Внешняя интеграция реализуется в соподчинении обществ, находящихся на разных стадиях развития, в связи с чем можно говорить о формации как комплексном интегральном образовании.

Понятие комплексной формации необходимо ввести для того, чтобы подчеркнуть нераз-

рывное единство передового общества и его периферии. Данное понятие аналогично понятию комплексной формы материи, используемому в концепции единого закономерного мирового процесса наряду с понятием основной формы материи. История — это не только последовательный процесс смены основных формаций (первобытной, «азиатской», рабовладельческой, феодальной и т.д.), но и процесс последовательной смены комплексных формаций. Понимание общественного развития как смены основных формаций позволяет вскрыть суть исторического процесса в принципиальном и наиболее общем виде. Смена основных формаций — это своего рода магистраль общественного развития, которая в концентрированном виде реализуется всегда в локальных исторических условиях. При таком лишь подходе качественное своеобразие развития прочих обществ, которые остались вне фарватера мировой истории, может быть представлено лишь односторонне, абстрактно и достаточно бедно. Понимание же истории как смены комплексных формаций позволяет учесть не только развитие общества на магистрали, но и его развитие во всем многообразии отступлений от магистрального пути (но все же в связи с магистралью).

Если в качестве основных формаций выделять первобытно-общинную с «присваивающим» способом производства, неолитическую, «азиатскую», рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую, то в качестве комплексных формаций можно назвать неолитическо-«присваивающую» первобытную, «азиатско»-первобытную, рабовладельческо-«азиатскую», феодально-рабовладельческую, буржуазно-феодальную и коммунистическо-буржуазную. Терминологическое обозначение данных комплексных фор-

маций весьма условное, что называется рабоче. Оно должно подчеркнуть связь передовых по своей формационной принадлежности обществ с отстающими в рамках человечества в целом и зафиксировать определяющее воздействие сложного типа общественной жизни на простые.

В процессе интеграции общественной жизни можно выделить еще одну закономерность. История — это аккумулятивный процесс, в сложных этапах в обобщенном виде накапливается все положительное, т.е. обеспечивающее дальнейшее развитие, содержание предыдущих ступеней социальной эволюции. Данная закономерность была обнаружена еще Г.В.Ф. Гегелем, а на материалистических основаниях подтверждена К. Марксом. Аккумулятивный характер истории не стоит толковать буквально как процесс, на котором все старые формы общественной жизни попросту накапливаются без всяких изменений. Простое в сложном хотя и не лишается собственной определенности, все же воспроизводится в нем в некоем превращенном сообразно сложному виде, т.е. оно не является в точности таким, каким оно было до появления новой сложности.

Общественное развитие обнаруживает также конвергентный характер. Новая формация первоначально складывается не во всех обществах предыдущей формации, а только в одном из них. Эмпирически данный феномен давно зафиксирован в исторической литературе. Терминологически многие историки определяют общество, в котором первоначально складывается новая формация как «формационный центр» или «всемирно-исторический центр». Впрочем, стоит отметить, что еще задолго до появления исторического материализма тот же по сути исторический феномен был зафиксирован в представлении о так называемых истори-

ческих народах. Многие сторонники неклассической философии истории также фиксируют данное явление, говоря, например, о центрах цивилизации.

Если обратиться к фактам, то обнаружится, что переход к неолиту (IX-XI тыс. до н.э.) начался не во всех обществах первобытно-присваивающего способа производства, а лишь в очень небольшой их части (в зоне т.н. Аридного полумесяца). Переход к «азиатскому» способу производства начался по одной версии в Южном Двуречии, по другой — также и в долине Нила, т.е. не затронул сразу всех неолитических племен. Переход к рабовладению начался в Греции, которая была лишь отдаленным уголком «азиатской» цивилизации. Переход к феодализму начался в Северо-Восточной Галлии — провинции Римской империи. Многие рабовладельческие общества еще длительный период времени оставались вне поля воздействия феодального способа производства. Капитализм как система первоначально сложился в Англии — одном из феодальных обществ. Переход к социализму начался в России — на окраине капиталистического мира. Появление новой формации, таким образом, не затрагивает сразу всех обществ, что и позволяет заключить о конвергентном характере исторического процесса.

Процесс интеграции различных по уровню сложности форм и способов производства общественной жизни, в результате которого простые формы и способы производства, сохраняя свою определенность, тем не менее изменяются сообразно новому типу человеческого существования, позволяет сделать вывод о том, что новая формация является результатом синтеза предыдущих формаций. Проблема формационного синтеза была намечена еще родоначальниками исторического материализма, однако

стала широко обсуждаться лишь с середины XX в. Б.Ф. Поршневу, к примеру, высказал предположение, что формационный синтез осуществляется при переходе к любой формации [9]. Однако на конкретном эмпирическом материале эта закономерность исторического процесса в отечественной, а затем и западной марксистской литературе была раскрыта лишь при анализе перехода европейского общества к феодализму. Причем формационный синтез был истолкован с абстрактно-всеобщих позиций как процесс сочетания элементов одной и той же формации (феодализма), вызревавших в различных обществах. В данной связи генезис самих этих элементов в их своеобразной форме оказывался, по сути, вне поля исследования. Более того, как показал ход дискуссий о феодальном синтезе, отдельные общества, пусть и с опозданием, могут достичь феодализма и вне рамок синтеза (т.н. «бессинтезный» путь развития) [21]. Подобный вывод ставил под сомнение понимание синтеза как необходимого условия появления новой формации и как закономерности общественного развития.

Ограниченность абстрактно-всеобщего понимания формационного синтеза может быть снята лишь при условии, что данный синтез рассматривается не как продукт сочетания элементов одной и той же формации, а как процесс взаимного преобразования различных по уровню сложности формаций, представленных во взаимодействующих обществах, и укладов, представленных в каждом из взаимодействующих обществ, одновременно. Другими словами, формационный синтез может быть раскрыт как закономерность общественного развития лишь с позиций конкретно-всеобщей материалистической теории.

Появление новой формации в локальных исторических условиях как следствие взаимно-

го превращения предыдущих по уровню сложности формаций позволяет выделить еще одну любопытную закономерность социального процесса. Новая формация первоначально вызревает в неопредельно максимально развитом обществе предыдущей формации, а в оптимально развитом обществе старой формации. Формационный синтез предполагает, что в обществе присутствуют различные по уровню сложности уклады, которые интегрируются при становлении формации нового типа.

В Южном Двуречии, в котором, судя по всему, впервые сложилось общество «азиатского» типа, в неолитический период можно зафиксировать как формы общественной жизни, присущие собственно неолиту, так и более архаические формы, характерные для первобытного общества с присваивающим типом хозяйства. По сравнению с зоной «Аридного полумесяца» Южная Месопотамия явно отставала в развитии. Переход к рабовладению начался в Греции, которая в Крито-Микенский период представляла собой общество с неразвитым «азиатским» способом производства и существенными пережитками первобытности. Родиной феодализма стала Северо-Восточная Галлия — провинция Римской империи, в которой наряду с рабовладельческими формами общественной жизни сохранялись и трансформированные первобытные формы. Англия — первая страна, в которой капитализм сложился как система, в период Средневековья существенно уступала в развитии Северо-Восточной Франции. В период раннего и даже классического Средневековья в Англии сохранялись существенные пережитки дофеодальных форм общественной жизни. Переход к социализму начался в России — стране, в которой наравне с наиболее передовыми формами капитализма (монополистическим капитализмом) присутствовали

уклады, генетически восходящие даже к первобытности (общинные формы жизни).

Эмпирический материал, таким образом, явно свидетельствует о том, что переход к новой формации начинается в нетипично оптимально развитых обществах старой формации. Любопытно, что частный случай данной закономерности был зафиксирован еще В.И. Лениным. В ходе внутривнутрипартийных дискуссий о возможности победы социализма в России, наблюдая за ходом начального социалистического строительства и осуществляя его руководство, он пришел к выводу о возможности победы социализма в так называемом «слабом звене» капиталистического мира [22].

Конкретно-всеобщее понимание формации как этапа развития социальной материальной родовой индивидуальной сущности человека позволяет в определенной мере уточнить структуру формации, систематизировать закономерности смены общественно-экономических формаций.

Список литературы

1. Корякин В.В. Труд и единый закономерный исторический процесс. Пермь, 2008. Ч.2.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Гл.1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т.3.
3. Маркс К. Наемный труд и капитал// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1956. Т.6.
4. Маркс К. Нищета философии// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т.4.
5. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т.13.
6. Корякин В.В. К вопросу о структуре общественного производства. Семейное и этническое производство// Вестник Пермского университета. 2009. Вып.5(31). Сер. Философия.
7. Васильева Т.С. Всеобщий исторический закон // Новые идеи в философии. Пермь, 1999. Вып.8.
8. Ленин В.И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности// Ленин В.И. Избр. соч.: в 10 т. М., 1987. Т.8.
9. Поршнева Б.Ф. Роль социальных революций в смене формаций // Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975.
10. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т.21.
11. Маркс К. Капитал. Т.1 // Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1960. Т.23.
12. Ковалев А.М. Диалектика способа производства общественной жизни. М., 1982.
13. Анучин В.А. Географический фактор в развитии общества. М., 1982.
14. Ершов Ю.Г. Человек, социум, история. Свердловск, 1990.
15. См., напр.: Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1972; Дубинин Н.П. Биологические и социальные факторы в развитии человека // Вопросы философии. 1977. № 2; Батенин С.С. Человек в его истории. Л., 1976; Орлов В.В. Социальная биология, предмет, статус, проблемы // Философия пограничных проблем науки. Пермь, 1974. Вып.7; Оконская Н.Б. Диалектика социального и биологического в историческом процессе. Пермь, 1975; Она же. История и биология. Пермь, 1993.
16. См.: Орлов В.В. Указ. соч.
17. См.: Оконская Н.Б. История и биология.
18. Ленин В.И. О лозунге Соединенных штатов Европы // Ленин В.И. Избр. соч.: в 10 т. М., 1985. Т.6.
19. См.: Хазанов А.М. Природно-хозяйственные различия в каменном веке и проблема первичного материнского рода // Советская этнография. 1973. № 1; Масон В.М. Ленинские идеи о неравномерности исторического процесса и проблемы истории древнего мира // Методологические и философские проблемы истории. Новосибирск, 1983.
20. См.: Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984. С. 58-59; Барг М.А., Черняк Е.Б. Исторические структуры и исторические законы // Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979. С. 55-58, 126, 130-131; Глезерман Г.Е. Общественно-экономическая формация — узловая категория исторического материализма // Общественно-экономические формации: проблемы теории. М., 1978. С.18; Семенов Ю.И. Теория общественно-экономических формаций и всемирная история // Общественно-экономические формации: проблемы теории. М., 1978; Он же. Все-

- мирная история как единый процесс развития человечества во времени и пространстве // Философия и общество. 1997. № 1.
21. См.: Научная сессия «Итоги и задачи изучения генезиса феодализма в Западной Европе» // Средние века. 1968. Вып.31. С.9-45; Гутнова Е.В., Удальцова З.В. К вопросу о типологии развитого феодализма в Западной Европе // Проблемы социально-экономических формаций. М., 1973. С. 114; История Европы. М., 1989. Т. 2; Люблинская А.Д. Типология развитого феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза // Средние века. 1968. Вып. 31. С. 9-17; Удальцова З.В. Проблемы типологии феодализма в Византии // Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975; Она же. Типология культуры как методологическая проблема // Методологические и философские проблемы истории. Новосибирск, 1983; Королук В.Д. Основные проблемы формирования контактной зоны в Юго-Восточной Европе и бессинтезного региона в Восточной и Центральной Европе // Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975; Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М., 1984.
22. Ленин В.И. О лозунге Соединенных Штатов Европы // Ленин В.И. ПСС. М., 1961. Т. 26; Он же. Военная программа пролетарской революции // Ленин В.И. ПСС. М., 1962. Т.30; Он же. Третий интернационал и его место в истории // Ленин В.И. Избр. соч.: в 10 т. М., 1987. Т.8.
-

**SOCIAL AND ECONOMIC STRUCTURES:
ESSENCE, PATTERN, APPROPRIATENESSES OF DEVELOPMENT**

V.V. Koryakin

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

In the article conception of social and economic structure and its pattern is defined more exactly on bases of concrete and interpretation of human's essence. Main appropriatenesses of changing of these structures and their correlation are discussed. Some categories of social philosophy are investigated: center of social and economic structure and periphery of this, structural transitions and others.

Key words: structure; appropriateness of historical process; human essence; labour; basis; superstructure.